

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА МАРКОВСКАЯ

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммархивом Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
greek23@mail.ru

ПОМОРСКИЕ ЧАСТУШКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ЗАПИСЯХ А. М. ЛИНЕВСКОГО*

Исследуются фольклорные материалы экспедиции Александра Михайловича Линевого, собранные в период с 16 февраля по 26 марта 1944 года на неоккупированных территориях Карелии, в поморских селах Гридино и Калгалакша. Это рукописные тексты 319 частушек, которые ранее не изучались и не публиковались, что обуславливает актуальность и новизну работы. Целью статьи является выявление особенностей поморских частушек военного времени в записях А. М. Линевого. В результате анализа установлено, что корпус материалов данной коллекции составили частушки разного времени сложения (дореволюционные, тексты периода Первой мировой войны и Гражданской войны, тексты советских лет, в том числе возникшие в годы Великой Отечественной войны). По тематике тексты разделяются на две группы – частушки на военную тематику и частушки, посвященные отношениям между людьми, работе, досугу. По классификации З. И. Власовой, уточненной автором, последние могут быть отнесены к частушкам тыла и прифронтовых территорий. Исполнение частушек в годы Великой Отечественной войны являлось одним из наиболее распространенных способов выражения переживаний, оценки и отражения актуальных событий политической и социальной жизни.

Ключевые слова: А. М. Линево, фольклористика, частушки, Великая Отечественная война, русский фольклор Карелии, советский фольклор

Для цитирования: Марковская Е. В. Поморские частушки военного времени в записях А. М. Линевого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.387

ВВЕДЕНИЕ

Фольклорные материалы, записанные в годы Великой Отечественной войны, являются важным источником исследования текстов не только с точки зрения поэтики, но и системы ценностей, изменения миропонимания людей, попавших в сложные военные условия. Собранные на территории Карелии фольклорные материалы представляют большой интерес, что связано с существованием неопубликованных архивных материалов и возможностью изучения ранее опубликованных текстов без давления идеологических установок советского времени. Часть записей военного времени вошла в сборники¹, отдельной книгой вышла лишь работа В. Г. Базанова, в которой автор опубликовал и проанализировал ряд текстов [3]. В данной статье мы остановимся подробнее на сохранившихся в Научном архиве Карельского научного центра РАН неопубликованных рукописных записях частушек, собранных А. М. Линевым от местных жителей в прифронтовом Беломорском районе в 1944 году.

Основные вехи биографии Александра Михайловича Линевого², профессионального пи-

сателя, археолога, одного из первооткрывателей беломорских петроглифов, занимавшегося также исследованиями в области истории, этнографии и фольклористики, известны, о нем писали А. А. Левитина [15], Ю. В. Линник [17], Ю. А. Савватеев [22], Ю. И. Дюжев [10], Н. С. Филимончик [26]. И сам писатель оставил воспоминания об отдельных событиях своей жизни [16].

СОДЕРЖАНИЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Материалы, на которых мы остановимся подробно, были записаны в экспедиции А. М. Линевого (16 февраля – 26 марта 1944 года), основной задачей которой был сбор материала о труде рыбаков в годы Великой Отечественной войны в поморских селах Гридино и Калгалакша. Материалы составили 8 дел³. Первое дело – это отчет о проведении экспедиции. Второе дело – копии и оригиналы документов о труде рыбаков в годы Великой Отечественной войны в селе Гридино: протоколы, постановления, договоры, письма фронтовиков с просьбами о помощи своим эвакуированным семьям. Здесь же статья Семёна Михайловича Миронова из газеты «Ленинское знамя» от 18 февраля 1944 года

№ 35 «Как добиться высоких уловов рыбы. Рассказ рыбака Шуерецкого колхоза “Путь Ленина” (Кемский район)». Третье дело – записи бесед с представителями власти, членами правления, знатными рыбаками колхозов «Победа» (Гридино) и «12-я годовщина Октября» (Калгалакша). Четвертое дело – рассказы рыбаков и зверобоев карельского Поморья о работе в военные годы. Пятое дело – автобиографические рассказы о жизни в военное время (два рассказа фронтовиков, вернувшихся домой из-за серьезных ранений, и шесть рассказов жен красноармейцев). Шестое дело – рассказы и письма (подлинники) о жизни людей, эвакуированных из северо-западных районов Карело-Финской ССР. Седьмое дело представляет собой фольклорную коллекцию, состоящую из 319 частушек, двух песен и двух причитаний. Восьмое дело названо «Русские поморы. Пара страниц о случаях воровства среди поморов».

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании мы остановимся на коллекции частушек⁴, собранной А. М. Линевым. Эта коллекция имеет особую ценность, поскольку дает представление о бытовании жанра частушки в военное время в двух поморских селах: Калгалакша и Гридино. А. М. Линева просил местных жителей самих записать известные им частушки:

«Эта установка была дана мной в силу глубокого убеждения, что запись, сделанная рукой местного жителя, сама по себе представляет документ более ценный, чем моя запись»⁵.

Это, с одной стороны, минимизировало возможные ошибки от восприятия и записи частушек на слух. С другой стороны, поскольку основная часть исполнителей слабо владела грамотой, в текстах встречаются неточности и грамматические ошибки. В настоящем исследовании тексты приведены в современной орфографии (если неправильное написание слова не отражает особенности его употребления в речи).

А. М. Линева удалось собрать 319 частушек от 8 исполнителей. В их числе: жители села Калгалакша: В. Б. Яковлева (1926 г. р.) – 128 частушек; Р. В. Ефремова – 42; А. Я. Пакшуева – 7; А. Я. Костина – 13; жители села Гридино: Л. А. Коновалова – 8 частушек; М. М. Мехнин – 5; О. А. Мехнина (1924 г. р.) – 61; Н. М. Мехнина – 55 частушек. Таким образом, материалы включают 190 частушек, записанных в селе Калгалакша, и 129 частушек, записанных в селе Гридино. 123 частушки на военную тематику, 196 текстов посвящены мирной жизни (отношениям между людьми, работе, досугу, религии). В своей основе это традиционные тексты.

Общепринятой формулировки определения частушки, несмотря на большое количество работ по исследованию этого жанра, не разрабо-

тано. Возможно, это связано с кажущейся простотой песенок-миниатюр. Ю. М. Соколов еще в 1940 году в книге «Русский фольклор» давал следующее определение частушки:

«Короткие, большей частью четырехстишные рифмованные песенки, пользующиеся распространением в широких массах деревенского и городского населения. Наряду с четырехстрочными частушками существуют (но в значительно меньшем количестве) и шестистрошные, а также двухстрочные частушки. Особый разряд частушек составляют двухстрочные “страдания”» [24: 401].

На сегодняшний момент это определение звучит несколько тяжеловесно, так как практически ушел из употребления термин «четырёхстишный», а выражение «широкие массы деревенского и городского населения» маркируется стилистикой советской эпохи. Более лаконичное определение было опубликовано в 1975 году в «Краткой литературной энциклопедии», авторы которой определяют частушку как

«один из видов русского народного словесно-музыкального творчества; короткая (обычно четырехстрочная) рифмованная песенка быстрого темпа исполнения»⁶.

Это же определение используется исследователем военной частушки Вологодской области Г. В. Судаковым [25]. Вопросы происхождения частушки интересовали многих ученых, подтверждением чему служат историографические обзоры в научной литературе [5], [14] и др. Так, с учетом генетического анализа известный музыковед и фольклорист И. И. Земцовский в 1987 году предложил следующее определение:

«Частушки – короткие (монострофичные) песенки-куплеты, обычно рифмованные четырехстишия (реже – двух- и шестистишия). Генетически связаны с старой плясовой песней, шуточными припевками ярмарочных и масленичных балагуров, свадебными “дразнилками”» [11: 73].

Позднее Н. В. Дранникова на материале севернорусских частушек обосновала полигенетическую концепцию формирования частушки и предложила классификацию, которая включила следующие группы: частушки-скоморошины, частушки-жалобы, лирические миниатюры, частушки, близкие плясовым песням, и частушки, перенявшие эстетику городского романса. Эти группы, по мнению исследовательницы, составляют единую частушечную общность и соответствуют дефиниции жанра⁷. Описанная классификация не является единственной, подтверждением чему служит обзор, представленный О. В. Мешковой [20]. Обилие подходов к классификации частушек связано с множеством факторов, среди которых: огромное число текстов и их вариантов, разнообразие тематики, множество функций в процессе бытования (частушка может использоваться как насмешка или шутка, сопровождать пляс, вводить в сферу публичного знания личные отношения и др.). Так,

С. Б. Адоньева рассматривает частушку с точки зрения ее функции в социальном контексте на материале севернорусской традиции [1: 148–214]. Разнообразие классификаций обусловлено и тем, что частушки изучают представители разных научных дисциплин: фольклористы, историки, лингвисты, музыканты и культурологи.

КЛАССИФИКАЦИИ, СОДЕРЖАНИЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТУШЕК ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

З. И. Власова выделила ряд признаков частушки, характеризующих ее как жанр фольклора: преимущественная устность бытования (частушки посылались на фронт также и в письмах, записывались в альбомы, тетради и т. д.); вариантность, распространенность одних и тех же запевок и, наоборот, прикрепление популярных концовок афористического характера к разным запевкам; глубокая связь с фольклорной поэтической традицией; обязательная двухчастность композиции, обнаруживающаяся и в ритмическом, и в лексическом ее выражении [6: 160]. Другие исследователи также отмечали специфическое отношение частушки к напеву: «частушка столь же часто говорится, декламируется, как и поется» [4: 49], и «она не обязательна в отношении музыки, но обязательна в отношении интонационно-ритмического выделения из обычной речи» [2: 7]. Все эти утверждения являются актуальными для текстов данной коллекции.

Коллекция, собранная А. М. Линевским, однородна по времени создания произведений, в ней встречаются дореволюционные частушки:

Я стояла у приема, / Говорила господам: / Не забывайте ягодиночку, / В то место брата дам;

Посмотри-ко, маменька, / Горят ли огоньки, / Гуляют бедные некрутушки / Последни вечерки.

Также есть частушки советского времени, передающие новые советские реалии, в том числе и антирелигиозную пропаганду:

У меня сестренка есть, / Зовут ее Леночка, / Мой братишка – комсомолец, / А я пионерочка;

Посмотрите-ка на нас, / Что у нас творится – / Наша бабушка пошла / В грамоту учиться;

Первомайская гармошка / Лучше ангелов поет, / Заirstай травой дорожка / От церковных от ворот;

Не пойду сегодня в церковь, / Не пойду и никогда, / За попа стоять не буду, / А за партию всегда.

Частушки на военную тему создавались как во время Великой Отечественной войны, так и в более раннее время. Среди исследуемых текстов есть целый ряд частушек, сохранившихся со времен Первой мировой войны (1914–1918). Они характеризуются специфичной лексикой (германска сторона, германцы черные, германец – оборванец) и сюжетом (из Австрии в Германию угнали воевать...):

Через Австрию в Германию / Угнали воевать, / Вышло милому платочек / Горьки слезы вытирать;

На Германску сторону / Наломало елочек, / Молодые командиры, / Отпустите дрочечек;

Вы, германцы черные, / Воевать задорные, / Из-за вашей силушки / Погибают милушки;

Ты германец – оборванец, / Перестань-ко воевать, / Отпусти ребят жениться, / Девочек некуда девать;

Распроклятый ты германец, / Тебе хватит воевать, / Надоело ребятишкам / В окопах ночевать;

Распроклятый ты германец, / Много горя ты принес, / У баб мужей, у девочек парней / На фронт увез;

Моего милого ранили / С германцем на войне, / Как по синему по морюшку / Везут на корабле.

Продолжение бытования этих текстов объясняется относительной свежестью описываемых событий и аналогичностью фактов. Реалии времен Гражданской войны (1917–1923) отражены в двух текстах, где враги – белофинны:

У меня милый на фронте, / На плече винтовочка, / Белофинны злые люди / Ранили миленочка;

Как у наших у ворот, / У нашей у калитки / Задавился белофинн / На суровой нитке.

В одном тексте нашел отражение военный конфликт СССР с Японией в 1938 году у озера Хасан:

Как у озера Хасана / Самураи были пьяны, / Пьяные, не мытые, / Все рожи перебитые.

Использование термина «белофинн» в Карелии в первой половине XX века имеет свои особенности и связывается не только с событиями Гражданской войны в соседней Финляндии, но и с Зимней войной (1939–1940): так в советской пропаганде называли не только победивших в гражданской войне в Финляндии белых финнов, но и военных противников СССР.

«Поскольку на Карельском фронте основными противниками были финны, образ врага имел здесь свою специфику по сравнению с другими фронтами... В газетах финнов в соответствии со сложившейся традицией называли “шюцкоровцами”, “белофинскими бандитами”, “собаками Маннергейма» [19: 332].

Продолжение бытования частушек, посвященных военным конфликтам более ранних лет, во многом обуславливается аналогичностью фактов (война с Германией) и общими для любого военного времени переживаниями (тревогой за судьбу близких, гневом по отношению к врагам, горем из-за потери близких и др.).

В текстах частушек на военную тему встречаются исторические персонажи: Гитлер (более 10 текстов), Геббельс (1), Антонеску (1) и Сталин (3 текста). Имя советского вождя народов упоминается в зачине частушки в виде известного политического лозунга-призыва:

Ты за родину за Сталина / Иди в кипучий бой, / И меня душа заставила / На фронт пойти сестрой

или во второй части частушки, но с подчеркнутым пиететом, свойственным времени:

Взвейтесь, соколы, орлами / И летите стаями, / Передайте в Кремль привет / Дорогому Сталину;

Нашей родины великой, / Солнцу нашей всей земли, / Мудрый Сталин, посвящаем / Песню счастья и любви.

Последний текст относится скорее к частушкам литературного происхождения, публиковавшимся в газетах и сборниках. Можно согласиться с Н. Скрадоль, утверждающей, что изображение Сталина как «отца народов» воспитывало надежную уверенность в завтрашнем дне [23].

Имена врагов используются в основном в сатирических частушках:

Сидит Гитлер на заборе, / Плетет лапти языком, / Чтобы шившая команда / Не ходила босяком;

Сидит Гитлер на заборе, / Просит кружку молока, / А доярка отвечает, / Сбегани подой быка;

Ходит Гитлер шмонится, / Все должны мне кланяться. / Мы за Гитлера возьмемся, / Что с него останется?;

Ох ты Гитлер, ты проклятый, / Тебе хватит воевать, / Отпусти ребят жениться, / Девочек некуда девать;

Скоро-скоро на сосне / Шишка лопнет, упадет. / Скоро Гитлер из Берлина / Выйдет задом наперед;

Гитлер лоб разбил с разбегу, / На себе рвет волоса, / Пропадай моя телега / Все четыре колеса;

Ох ты Гитлер, ты проклятый, / Заклужи скорее мир, / По последнему залеточке / Мы вам не отдадим;

Эх ты Гитлер, твердый лоб, / Закажи себе ты гроб, / Если ж гроба не закажешь, / Без него ты в землю ляжешь.

Одной из причин распространения частушек о Гитлере явилось то, что во фронтовой печати во время войны публиковали авторские частушки и куплеты, высмеивающие Гитлера и его армию. Они также включались в программы, исполняемые агитбригадами. Интересно наблюдение относительно образа Гитлера у Т. В. Краюшкиной:

«Он рисуется комически, не вызывает жалости. Именно эти черты фольклорных жанров – комичность в изображении и отсутствие жалости – свойственны корильным песням и дразнилкам, со временем вошедшим в детский репертуар. Схожее изображение антагонистов есть и в других жанрах, например, в былинах» [12: 54].

В одном из текстов упомянут министр иностранных дел Румынии Михай Антонеску:

Вывал Гитлер Антонеску / И сказал ему в упор, / Надо больше шуму, треску, / Не хочу терпеть позор.

Эта частушка явно перекликается со стихотворением С. Я. Маршака из книги «Блиц-фрицы»:

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе:
– Я хочу, чтоб вся Европа
Поддержала нас в борьбе! <...>
Вывал Гитлер
Риббентропа
И спросил,
Нахмутив лоб:
– Это что же –
Вся Европа?
– Вся! – ответил Риббентроп⁸.

Лидер нацистской партии Пауль Геббельс также подвергается осмеянию:

Эй гармошка, парень Трошка, / Я станцую что есть сил. / Геббельс голову повесил, / Гитлер руки опустил.

Нам кажется актуальным предложенное З. И. Власовой деление частушки периода Великой Отечественной войны по содержанию на группы:

1. Частушки тыла;
2. Частушки оккупированных территорий и концентрационных лагерей;
3. Фронтовые частушки;
4. Партизанские частушки [6: 160–161].

В рассматриваемой коллекции почти все тексты можно отнести к первой группе. В нашем случае название этой группы необходимо уточнить: оно будет звучать как частушки тыла и прифронтовых территорий. Кроме военных (здесь мы говорим о текстах, в которых маркирована тема войны), сюда же мы можем отнести частушки на любовные, семейные и бытовые темы:

Балалайка новая / По краюшкам зеленая, / Брось играть, пойдем гулять, / Я в тебя влюбленная;

Я одену бело платье / И сама буду бела, / Помоги, подружка, горюшку, / Рассыпались дела.

Данные тексты свидетельствуют о сохранении в памяти эпизодов мирной жизни.

Основываясь на нашем материале, выделим следующие основные мотивы в военных частушках тыла и прифронтовых территорий:

– сатирическое описание солдат вражеской стороны:

Ах как к бабушке Аксины / Забрались в избу сви-
ньи, / Рылом в блюде тыкают / По-немецки хрюкают;

– гнев по отношению к фашистским захватчикам:

Круглый год мы едим в море, / Рыбу ловим днями
по ночам, / Покоряем непогоды. / Смерть фашистским
палачам;

– переживания и грусть от расставания:

На горушке стоит елка, / В елке червоточинка. / Мой
миленочек на фронте. / Я как темна ноченька;

– заклинание пуль:

Дорога моя подруга, / Дролечка на фронте. / Выше
пули вылетайте, / Моего не троньте;

– тревога за судьбу любимого, воюющего на фронте:

Лети, вороной конек, / Где поближе огонек, / Не уби-
тый ли мой миленький / Во сегодняшний денек;

– работа в тылу:

Напиши мне правду, милый, / Как воюешь на войне, /
Я в тылу вам помогаю. / Смерть фашистской гадине;

– ранение любимого на фронте:

Сизокрылый голубочек, / Полетай к передовой, / По-
важи милому раны / Моей лентой голубой;

– скорбь из-за смерти любимого:

Голубок на уголок / Уселся на окошечко. / У меня,
у бедной девушки, / Убили дролечку;

Скоро война кончится. / Не веселюсь я, девушки, /
У вас придут, а у меня / Будет лежать в могилушке;

– уверенность в победе:

Ты лети, лети постукивай, / Немецкий самолет, / Все
равно победа наша, / Папенька домой придет;

– укрепление национально-патриотического
духа:

Песни весело поются, / Грудь отвагою полна, / По-
тому что всех сильнее / Наша славная страна.

Данная частушка встретила нас также в документе № 6 «Художественная самодеятельность в избирательной кампании. Из материалов для кружков художественной самодеятельности, разработанных Центральным кабинетом политпросветработы. Москва. 26 декабря 1945 г.». Этот документ был опубликован с купюрами в статье Г. В. Романовой [21: 179–180]. Можно предположить, что первоисточником текста частушки являются средства массовой информации, которые активно распространялись как на фронте, так и в тылу. По данным Н. Л. Волковского, во второй половине 1941 года в Красной армии выходило 465 военных газет. В ходе войны их количество значительно возросло: в 1944 году уже 757 газет, общий разовый тираж их составил 3 195 000 экземпляров [8: 257].

Что касается группы фронтовых частушек, к ней можно отнести лишь два текста из исследуемой коллекции. В них звучит гордость за мощную армию своей страны:

Эй, товарищи, ответьте, / Кто сильнее всех на свете? /
Мы – ребята молодцы / Красной Армии бойцы;

Почему вы не бежите, / Под огнем вы не дрожите? /
Есть у нас такой приказ, / Чтобы бегали от нас;

Били немцев мы на льду, / На ходу и на лету, / А те-
перь добить осталось, / Сами просятся в беду.

В коллекции А. М. Линецкого есть частушки, в которых используются местные названия (12 текстов). В них отражается шутливое отношение к молодежи соседней или своей деревни:

Калгалакшские девчоночки / Цево, цево, цево. / Про-
цевокали миленочка / И больше ничего;

Калгалакшских кавалеров / Надо в луже помочить, /
Из лужи вынуть и пожать, / Тогда будут уважать;

а также гордость за свой край и односельчан:

По-гридонски я станцую, / По-гридонски я спою. /
Я гридоночка-девчоночка нигде не пропаду;

Не бывать у нас немчуре, / Будут жить поморочки. /
Защищать родную землю / Поклялись дролечки.

Поэтика частушки подробно рассматривалась в работах А. В. Кулагиной [13], Н. В. Дранникова [9], Л. Е. Фетисовой⁹ и др. Художественными особенностями этого жанра, имеющими место и в военной частушке, Г. В. Судаков называет афористичность и метафористичность, гиперболу и словесное изобретательство, повышенную эмоциональность и экспрессию [25: 18]. На материале коллекции А. М. Линецкого мы можем расширить этот ряд стилистических средств. Так, отметим применение приема повтора слов в стихах:

Восемь сосен, восемь сосен, / А девятая-то ель, /
Посмотрите-ко на дролечку, / Пристанет ли шинель;

Ты военный, ты военный / Не простой. / Дома жонка,
два ребенка, / Здесь гуляешь холостой.

Повторы могут быть как внутри строки, так и в начале каждой строки (анафора).

Партизана я любила, / Партизана тешила, / Партиза-
ну на плечо / Сама винтовку вешала.

Также следует отметить типичность употребления такого художественного приема, как психологический параллелизм:

На горушке стоит елка, / В елке червоточинка, / Мой
миленочек на фронте, / Я как темна ноченька;

Черна туча, черна туча, / Черна туча тучится, / От
фашистов-палачей / Вся Русея мучится и др.

Последний текст является авторским, оригинал был создан поэтом А. П. Анисимовой и звучал так: «Черна туча, черна туча, / Черна туча тучится, / От фашистских палачей / Вся Европа мучится» [6: 159].

Сатирические частушки, как и сопровождающие их в печатном варианте в газетах и листовках карикатуры на тему войны, осмеивая фашистскую армию, оказывали влияние на отношение людей к происходящим событиям: смешной враг переставал быть страшным. Значимость сатиры как важного фактора в мобилизации общества рассматривают И. А. Власова и И. Е. Хантурова. Они отмечают, что такое могучее оружие, как смех, прочно занимало свое место сначала в обороне, а потом и в великом наступлении [7: 19].

Одной из важных особенностей частушки является то, что она «вводит свое состояние в сферу публичного знания и тем самым справляется с ним» [2: 34]. Эта функция в военных частушках выдвигается на передний план. Вербализация переживания и воспроизведение его на публике служит катарсисом. Исполнение частушек тыла и прифронтовых территорий могло сопровождаться приплясыванием. Глубокий знаток народной хореографии Карелии В. В. Мальми так говорила про пляс:

«Пляс как форма выражения чувства был единственным и безусловно действенным способом ощутить свободу и радость жизни, пляс возникал как эмоциональная

разрядка, как бессознательное буйство... чувство – главное в плясе, а пляс реагирует на все изменения человеческой жизни. Он всегда современен, всегда моден. Входя в любое явление, он поднимает его до кульминационного звучания» [18: 4–5].

Таким образом, сочетание относительной легкости создания текста частушки и возможности в плясе эмоционального выплеска, на наш взгляд, также обеспечивало жизненно важную для военного времени социальную функцию преодоления негативного состояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фольклорные материалы экспедиционной коллекции А. М. Линевского 1944 года, собранные в селах Гридино и Калагалакша, представляют собой ценные свидетельства бытования жанра частушки в локальной традиции на прифронтовой территории в годы Великой Отечественной войны. Анализ поэтических текстов частушек позволил сделать выводы,

что в данный период бытовали тексты различного времени сложения и различной тематики (посвященные военным событиям и лирические, дореволюционные и советских лет, любовные и сатирические, высмеивавшие врагов советского народа и т. д.). Традиционными в частушках оставались выразительные средства (метафоры, гиперболы, словесное изобретательство, повторы слов, психологический параллелизм и др.). Вместе с тем употребление в отдельных текстах местных топонимов и производных от них прилагательных сделало частушки более личными, затрагивавшими интересы жителей сел (Гридино и Калагалакша). Сатирическое изображение фашистов (Гитлера, Геббельса, Антонеску), описание актуальных событий политической и социальной жизни, личных переживаний, связанных с войной и гибелью близких, помогали русскому человеку преодолевать страх и переживать события военного времени.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы Карельского научного центра РАН № АААА-А18-118030190094-6.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фольклор Советской Карелии / Подгот. текстов к печати и примеч. А. Беловановой и А. Разумовой. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1947. 137 с.; Русская народно-бытовая лирика. Причитания севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 598 с.

² А. М. Линевский родился 20 апреля 1902 года в Петербурге. В 1923 году поступил на этнографический факультет Географического института, позднее ставшего географическим факультетом Ленинградского университета. После окончания первого курса Линевский за полгода объездил 48 волостей Чувашской автономной области, где создал первичные краеведческие организации, а летом 1926 года возглавил этнографо-фольклорную экспедицию ЛГУ, которая проводила исследования в Средней Карелии, Беломорье, Заонежье, Шелтозере и Пудожье. Именно тогда им впервые были открыты 300 петроглифов «Бесовы следки» у деревни Выгостов Беломорского района. И как позднее писал сам Линевский: «Так наступил мой непредвиденный “звездный” час, когда судьба круто перевела меня на новые рельсы и отдала во власть древностям Беломорья. Эта находка навсегда прикрепила меня к карельскому Поморью. Она определила и необходимые для расшифровки дисциплины: археологию, историю, этнографию, а также фольклор северных племен...» [16: 79]. После окончания Ленинградского университета в 1929 году А. М. Линевский переехал в Петрозаводск, с которым он связал всю свою дальнейшую жизнь и научную карьеру. Первым местом работы в Петрозаводске был Карельский государственный музей, а в 1934 году он был зачислен в штат недавно созданного Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК). В 1941 году А. М. Линевский вместе с другими сотрудниками института был эвакуирован в Сыктывкар, а в марте 1943-го Александр Михайлович продолжил работать в составе КНИИК в Беломорске, где возобновил свою деятельность институт. В 1943–1944 годах ученый занимался сбором материалов о труде рыбаков в рыболовецких колхозах и воспоминаний участников партизанского движения. В опубликованных воспоминаниях А. М. Линевский отмечал, что им было собрано 198 рукописей воспоминаний о партизанских отрядах «Красный онеж», «Вперед» и «Железняк» [16: 89]. После освобождения Петрозаводска от финской оккупации в июне 1944 года в городе возобновил работу КНИИК, а в июле 1944 года в Москве на заседании Ученого совета МГУ А. М. Линевский защитил кандидатскую диссертацию, посвященную изучению петроглифов Карелии.

³ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784–791.

⁴ Частушки, собранные А. М. Линевским, находятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 790.

⁵ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784. Л. 1.

⁶ Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. С. 443.

⁷ Дранникова Н. В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии (На материале Архангельской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 3–4.

⁸ Маршак С. Я. Кукрыниксы Блиц-фрицы: Стихи и рисунки. М.; Л.: Детгиз, 1942. 32 с.

⁹ Фетисова Л. Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы поэтики жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1982. 27 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по требованию», 2018. 335 с.
2. Адоньева С. Б. Частушка в русской культуре / Деревенская частушка XX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 534 с.

3. Базанов В. За колючей проволокой: из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945. 71 с.
4. Банин А. А., Бурмистров Н. С. К проблеме определения и происхождения частушки // Живая старина. 1997. № 3. С. 49–51.
5. Бахтин В. С. Русская частушка // Частушка. М.; Л., 1966. С. 8–52.
6. Власова З. И. Частушки // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л.: Наука, 1964. С. 149–193.
7. Власова И. А., Хантурова И. Е. Сатира как оружие войны // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: Современное осмысление: Материалы междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов. Н. Новгород, 2015. С. 19–22.
8. Волковский Н. Л. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. 736 с.
9. Дранникова Н. В. Поэтика частушки как предмет исследования // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 5. С. 236–239.
10. Дюжев Ю. И. История литературы Карелии: В 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2000. Т. 3. 459 с.
11. Земцовский И. И. Проблема «русской» частушки // Советская музыка. 1987. № 7. С. 73–79.
12. Краюшкина Т. В. Лидеры воюющих стран: Гитлер и Сталин как персонажи частушек периода Великой Отечественной войны // Россия и АТР. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. № 2. С. 52–63.
13. Кулагина А. В. Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000. 303 с.
14. Лазутин С. Русская частушка: Вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960. 262 с.
15. Левитина А. М. А. М. Линеvский: Критико-биограф. очерк / Ред. В. М. Иванов. Петрозаводск: Карелия, 1973. 144 с.
16. Линеvский А. М. Страницы минувшего // Север. 1987. № 4. С. 62–91.
17. Линник Ю. В. Время (к 75-летию А. М. Линеvского) // Север. 1977. № 4. С. 113–117.
18. Мальми В. В. Праздник и танец. Петрозаводск: Карелия, 2005. 208 с.
19. Марков М. Б. Образ финнов как военных противников в военной печати Карельского фронта // Вестник Карельского филиала РАНХиГС: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2011. С. 331–338.
20. Мешкова О. В. О классификации частушек // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. № 1. Т. 1. С. 102–110.
21. Романова Г. В. Архивные источники о состоянии культурной сферы в Ульяновской области 1940–1950-х гг. // Симбирский научный вестник. 2013. № 4. С. 173–187.
22. Савватеев Ю. А. В поисках достоверности: о жизни и деятельности А. М. Линеvского // Север. 2010. № 7–8. С. 94–107.
23. Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // Новое литературное обозрение. 2011. № 108 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/s14.html> (дата обращения 30.03.2019).
24. Соколов Ю. М. Русский фольклор. Л.: Учпедгиз, 1941. 559 с.
25. Судаков Г. В. Образ народа – защитника отечества в частушке // Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Вологда, 2016. С. 17–24.
26. Филимончик С. Н. Музейное строительство в Карелии в конце 1920-х – 1930-е годы // Румянцевские чтения 2018. Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: Историческая ретроспектива и взгляд в будущее / Сост. Е. А. Иванова. М.: Пашков дом, 2018. С. 197–202.

Поступила в редакцию 01.04.2019

Elena V. Markovskaya, PhD in Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

POMOR CHASTUSHKAS OF THE WARTIME RECORDED BY A. M. LINEVSKY*

This article presents the integrated study of the folklore materials of A. M. Linevsky's expedition collected during the World War II in Pomor settlements Gridino and Kalgalaksha within the period from February 16 to March 26, 1944. These materials contain the hand-written texts of 319 chastushkas (four-line rhymed folk verses) that have not been previously studied and published. This determines the relevance and novelty of the work. The purpose of the article is to determine the features of the Pomor chastushkas of the wartime from Linevsky's records. The study of the present collection of chastushkas showed that the body of this collection contains chastushkas created at different times (traditional pre-revolutionary chastushkas, texts dating back to the period of the World War I and the Civil War, and Soviet chastushkas, including those from the time of the World War II) representing two thematic groups – chastushkas about the war and chastushkas about personal relations, work or leisure. The author elaborated the classification of Z. I. Vlasova and made a conclusion that the studied texts can be classified as chastushkas of the rear and front-line territories. During the World War II, singing chastushkas was one of the most common ways to express experiences, assess events and reflect current developments of political and social life.

Keywords: A. M. Linevsky, folklore studies, chastushkas, World War II, Russian folklore of Karelia, Soviet folklore

* The study was carried out as part of the state project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences AAAA-A18-118030190094-6.

Cite this article as: Markovskaya E. V. Pomor chastushkas of the wartime recorded by A. M. Linevsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.387

REFERENCES

1. Adon'eva S. B. Pragmatics of folklore. St. Petersburg, Moscow, 2018. 335 p. (In Russ.)
2. Adon'eva S. B. Chastushka as part of Russian culture. Village chastushka of the XX century. St. Petersburg, 2006. 534 p. (In Russ.)

3. Bazanov V. Behind barbed wire: excerpted diary of a folk oral poetry collector. Petrozavodsk, 1945. 71 p. (In Russ.)
4. Banin A. A., Burmistrov N. S. Chastushka: problems of definition and origin. *Zhivaya starina*. 1997. No 3. P. 49–51. (In Russ.)
5. Bakhtin V. S. Russian chastushka. *Chastushka*. Moscow, Leningrad, 1966. P. 8–52. (In Russ.)
6. Vlasova Z. I. Chastushkas. *Russian folklore of the Great Patriotic War*. Moscow, Leningrad, 1964. P. 149–193. (In Russ.)
7. Vlasova I. A., Khanturova I. E. Satire as a weapon of war. *70th anniversary of the victory in the Great Patriotic War. Modern understanding. Proceedings of the international research and practice conference*. N. Novgorod, 2015. P. 19–22. (In Russ.)
8. Volkovskiy N. L. The history of information wars. St. Petersburg, 2003. Vol. 2. 736 p. (In Russ.)
9. Drannikova N. V. Poetics of chastushka as a subject of study. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2003. No 5. P. 236–239. (In Russ.)
10. Dyuzhev Yu. I. History of Karelian literature: In 3 vols. Petrozavodsk, 2000. Vol. 3. 459 p. (In Russ.)
11. Zemtsovskiy I. I. The problem of Russian chastushka. *Sovetskaya muzyka*. 1987. No 7. P. 73–79. (In Russ.)
12. Krayushkina T. V. Leaders of the warring countries: Hitler and Stalin as characters of chastushkas during the Great Patriotic War. *Russia and the Pacific*. Vladivostok, 2015. No 2. P. 52–63. (In Russ.)
13. Kulagina A. V. The poetic world of chastushka. Moscow, 2000. 303 p. (In Russ.)
14. Lazutin S. G. Russian chastushka. Voronezh, 1960. 262 p. (In Russ.)
15. Levitina A. M. A. M. Linevsky. Critical and biographical essay. (V. M. Ivanov, Ed.). Petrozavodsk, 1973. 144 p. (In Russ.)
16. Linevsky A. M. Pages of the past. *The North*. 1987. No 4. P. 62–91. (In Russ.)
17. Linnik Yu. V. Time (commemorating the 75th birthday anniversary of A. M. Linevsky). *The North*. 1977. No 4. P. 113–117. (In Russ.)
18. Mal'mi V. V. Holiday and dance. Petrozavodsk, 2005. 208 p. (In Russ.)
19. Markov M. B. The image of the Finns as military opponents in the military press of the Karelian front. *Bulletin of the Karelian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. Petrozavodsk, 2011. P. 331–338. (In Russ.)
20. Meshkova O. V. The classification of chastushkas. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2001. No 1. Vol. 1. P. 102–110. (In Russ.)
21. Romanova G. V. What archival sources tell about the state of the cultural sphere in the Ulyanovsk region in the 1940s and the 1950s. *Simbirsk Scientific Journal Vestnik*. 2013. No 4. P. 173–187. (In Russ.)
22. Savvateev Yu. A. In search of authenticity: the life and work of A. M. Linevsky. *The North*. 2010. No 7–8. P. 94–107. (In Russ.)
23. Skradol' N. "Life has become more fun": chastushka of the Stalin era and the production of the "ideal Soviet subject". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. No 108. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/s14.html> (accessed 30.03.2019). (In Russ.)
24. Sokolov Yu. M. Russian folklore. Leningrad, 1941. 559 p. (In Russ.)
25. Sudakov G. V. The image of the nation defending its homeland in chastushkas. *The Great Patriotic War: problems of interdisciplinary understanding: Proceedings of all-Russian scientific conference commemorating the 70th anniversary of the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945*. Vologda, 2016. P. 17–24. (In Russ.)
26. Filimonchik S. N. Museum building in Karelia in the late 1920s and the 1930s. *2018 Rumyantsev Readings. Libraries and museums as cultural and scientific centers: Historical retrospective and prospective into the future*. Moscow, 2018. P. 197–202. (In Russ.)

Received: 1 April, 2019